

*Посвящается всем, кто уже не с нами.
Да не будут они забыты.*

Пролог

1313 год

Верона, Италия

Поэт остановился. Перо нависло над пергаментом озабоченной птицей.

Слова, которые вложил он в уста своей возлюбленной, осуждали его. Сами чернила его обвиняли.

Работа над «Чистилищем» заставила его по-новому взглянуть на жизнь, изменившуюся, когда не стало *ее*. Он принес в дань Беатриче свое поклонение, свое раскаяние. Но и не только.

Потому что смерть Беатриче не означала конец их любви. Он продолжал ее любить, и эта любовь преображала его.

Птица-перо опустила на пергамент, давая голос горю поэта. В этой жизни он не был достоин своей возлюбленной. Но, быть может, в следующей...

*«Взгляни, о Беатриче, дивным взором
На верного, — звучала песня та, —
Пришедшего по кручам и просторам!
Даруй нам милость и твои уста
Разоблачи, чтобы твоя вторая
Ему была открыта красота!»¹*

---

¹ Перевод М. Лозинского. (Здесь и далее прим. ред.)

СИЛЬВЕЙН РЕЙНАРД

В этих строках теперь была его возлюбленная, прекрасная и блистающая. Их любовь осталась жить, но преобразилась и стала глубже. Теперь она принадлежала вечности.

Поэт глядел на город своего изгнания и горевал по далекой родине. Горевал по Беатриче и по тому, чему не суждено было быть.

И надеялся на то, чему быть еще суждено. Возлюбленная открыла ему взор на нечто более далекое, чем она сама, нечто большее, чем земная любовь, нечто внемирное, совершенное, вечное. И он поклялся, очищая собственную душу, что слова, им записанные, будут пророческими, и обещания, данные ей, будут выполнены.

Глава 1

---

*Сентябрь 2012 года
Больница Маунт-Оберн
Кембридж, Массачусетс*

Профессор Габриель О. Эмерсон прижимал к груди новорожденную дочь. Он сидел, откинувшись на спинку стула, рядом с больничной койкой, на которой спала его жена. Вопреки настояниям сестер он отказался положить младенца в стоящую рядом кроватку. Ей безопаснее было в его руках, рядом с его сердцем.

Клэр Грейс Хоуп Эмерсон была чудом. О ней Габриель молил Бога в крипте св. Франциска в Ассизи после свадьбы со своей возлюбленной Джулианной. В то время он не способен был зачать ребенка — результат его собственного отвращения к себе. Но рядом с ним была Джулианна, его Беатриче и его жена, и он молился. И Бог ответил на его молитву.

Девочка шевельнулась, заворочала головой.

Габриель держал ее надежно. Спинка девочки лежала на его большой ладони, ощущавшей ритм младенческого дыхания.

— Мы тебя полюбили раньше, чем ты родилась, — прошептал он. — И с таким волнением ждали, когда ты появишься.

В эту минуту, минуту тихую и нежную, у Габриеля было все, чего он только желал в этой жизни. И если раньше он

и был Данте, сейчас он уже им не был: Данте не знал радости женитьбы на Беатриче, не знал восторга рождения плода их любви.

Поэт в Габриеле припомнил странный ход событий, поднявший его из глубин отчаяния на вершины блаженства.

— «*Apparuit iam beatitudo vestra¹*», — процитировал он от души, благодаря Бога, что не лишился жены и дочери, несмотря на осложнения во время родов.

Призрак отца вторгся в это счастье, подсказав вырвавшееся обещание:

— Никогда вас не оставлю. Всегда буду с вами обеими, милые мои девочки, пока я жив.

В полумраке больничной палаты Габриель дал себе обещание защищать, любить и беречь жену и дочь. Чего бы это ни стоило.

Глава 2

---

*Через неделю
Больница Маунт-Оберн
Кембридж, Массачусетс*

Это началось с электронного письма. Мелочь — проверка почты. Одно из самых мельчайших и несущественных действий. Коснулся телефонного экрана — и появились сообщения.

---

¹ Ныне явлено блаженство ваше. (Перевод И. Н. Голенищева-Кутузова.)

Один мудрый канадец написал однажды: «Носитель и есть сообщение». И в этом случае и письмо, и его содержимое были важны невероятно.

Потому что по углам уже шептались.

Сообщество специалистов по Данте не особенно велико, и профессора Габриеля О. Эмерсона в нем отлично знали. Он был первым в своем выпуске в Гарварде и очень скоро после этого сделал себе имя в Университете Торонто.

Потом он оказался в центре скандала — и второй участницей была его возлюбленная Джулианна, бывшая его аспиранткой. Было разбирательство. Трибунал. Решение. Отставка.

Университет не стал поднимать шума. Джулианна получила диплом и поступила в аспирантуру Гарварда. Габриель согласился занять должность профессора в Университете Бостона. Они поженились 21 января 2011 года.

А шепоток все-таки шел. Исходил он от бывшей аспирантки по имени Христа Петерсон, которая утверждала, что Эмерсон — хищник, а Джулианна — шлюха.

Габриель постарался заткнуть рот Христе и опровергнуть слухи, но все равно за его спиной шептались. Сейчас, через несколько месяцев после второй годовщины, Габриель держал совет сам с собой, не желая выражать свое беспокойство в словесной форме. Честно говоря, он боялся, что испортил Джулианне карьеру. В то время академическое сообщество куда более снисходительно относилось к пожилым профессорам, нежели к молодым аспиранткам.

Габриель это знал. И именно поэтому какое-то время тупо смотрел на полученное сообщение.

Оно было от группы, о которой Габриель слышал, но ни с кем из ее участников не был знаком. Прочел письмо еще раз — удостовериться, что не ошибся.

Странное ощущение овладело им. По коже побежали мурашки, вот-вот должно было случиться что-то судьбоносное...

— Габриель? — перебил его мысли голос Джулианны. — У нас все есть? Рейчел повезла домой цветы и шарики.

Габриель хотел рассказать жене о полученном письме, но его прервало внезапное появление доктора Рубио, акушерки. У нее была привычка возникать внезапно, подобно сероглазой Афине в «Одиссее» Гомера. Доктор Рубио появлялась, что-нибудь произносила — и исчезала, зачастую оставляя за собой бурный кильватерный след.

— Доброе утро! — Она улыбнулась Эмерсону. — Нужно кое-что проговорить до выписки Джулии и Клэр.

Габриель убрал телефон в карман пиджака. Самый большой страх своей жизни он пережил недавно, когда по ошибке решил, что Джулианна не пережила родов. И тревога до сих пор его мучила — как похмелье, от которого не избавиться.

Вот почему он, слушая длинный список инструкций и предостережений от доктора Рубио, быстро забыл об этом очень важном письме и об абсолютной необходимости сообщить жене его содержание.

Глава 3

— Что она там делает?

Профессор в зеркало заднего вида внимательно посмотрел на жену, сидевшую сзади рядом с Клэр. Выражение красивого лица было совершенно мальчишеское, в синих

глазах танцевали чертики. Он вез семью домой из больницы, и трудно было сдерживать радость.

— Все еще спит.

Джулия склонилась над переноской и осторожно погладила младенца по щечке.

Девочкин рот выпятился во сне розовым бутонem. Прядка темных волос выбилась из-под лилового вязаного чепца — подарок от больницы. Красивая была девочка — носик кнопкой, пухлые щечки. Глаза большие, а когда она благоволила их открыть — индигово-синие.

Сердце Джулии переполнялось радостью. Ребенок здоров, а муж еще более надежен, чем она себе представляла. Как-то даже слишком много счастья для одной женщины.

— Если она сделает что-нибудь симпатичное, скажи мне, — с надеждой попросил Габриель.

— Обязательно, профессор! — засмеялась Джулия.

— Мне нравится смотреть, как она спит, — сказал Габриель задумчиво. Он с черепашьей скоростью вел кроссовер «Вольво» по улицам Кембриджа. — Она восхитительна.

— Папочка, на дорогу надо смотреть.

Габриель бросил на нее взгляд искоса.

— С каких это пор ты так медленно едешь? — поддразнила его Джулия.

— С тех самых, как все, что мне дорого, оказалось в этой машине.

Лицо Габриеля смягчилось, он переглянулся с Джулией в зеркале. У нее замерло сердце.

Габриель оказался таким увлеченным отцом, что это превзошло все ее ожидания. Джулия вспомнила первую ночь в больнице после рождения Клэр. Габриель всю ночь держал девочку на руках и не хотел с ней расставаться.

Когда-то он сказал, что навсегда запомнит Джулианну в ту ночь, когда они любили друг друга впервые. А она до конца жизни будет помнить, как ее муж прижимал к груди их ребенка.

Глаза наполнились вот-вот готовыми пролиться слезами. Чтобы скрыть их, Джулия наклонилась над переноской.

Габриель повернул машину на свою улицу — медленно-медленно.

— Что за чертовщина?

Приподнятое настроение исчезло немедленно — будто корабль наскочил на айсберг.

— Не выражайся, — тихо одернула его Джулия. — Давай не будем учить ребенка плохим словам.

— Если бы она не спала, ей бы тоже захотелось узнать, что это за чертовщина. Посмотри на наш газон.

Габриель направил машину к подъездной дорожке, не сводя глаз с переднего двора участка. Джулия посмотрела туда же.

На лужайке у дома собралось целое скопище розовых пластиковых фламинго. Ужасных розовых пластиковых фламинго. Гигантский деревянный фламинго стоял у входной двери, сжимая в клюве табличку, гласившую:

Поздравляем Габриэля и Джулию! У них девочка!

Маленьких фламинго было столько, что между ними едва можно было разглядеть травинки.

Это было нашествие. Нашествие ярких, кричащих садовых скульптур, выбранных каким-то психом с полным отсутствием хорошего вкуса.

— Твою мать! — воскликнула Джулия.

— Не выражайся, — осклабился Габриель. — Я так понимаю, ты этого не ожидала?

— Нет, конечно. Я даже почту на этой неделе почти не смотрела. Твоя работа?

— Ты думаешь, я мог такое сделать?

Профессор был возмущен. Уж как-нибудь Джулианна должна знать, что его вкус не допустил бы такой пластиковой мерзости.

Но ее замечание ему напомнило про сообщение, полученное еще в больнице. Его содержание было срочным, и надо о нем поговорить с Джулией. Она его отвлекла, рассмеявшись:

— Может быть, они от Лесли, нашей соседки? Или от твоих коллег по университету?

— Сомневаюсь. У них наверняка хватило бы здравого смысла прислать шампанское. Или виски.

И опять он собрался рассказать Джулии о письме. Но когда он заезжал на дорожку, распахнулась боковая дверь и выбежала Рейчел, его сестра.

Она улыбалась во весь рот и была одета в домашнюю футболку и джинсы, на ногах босоножки. Длинные прямые светлые волосы рассыпались по плечам, серые глаза светились.

— Кажется, мы нашли источник этого китча.

Габриель покачал головой.

Джулия тронула его за плечо:

— С ее стороны это очень мило. Она же столько моталась между домом и больницей, так помогла.

— Я знаю, — нахмурился Габриель.

— Пусть ты считаешь, что эти фламинго аляповаты, но попробуй посмотреть шире.